

И.А. Куприева (г. Белгород)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СВЕТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Обращение к исследованию значения слова с опорой на процессуальную теорию (А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев), теорию фиксированных установок (Н.В. Рафикова), теорию лексикона (А.А. Залевская) в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с необходимостью обоснования корреляции модификации семантики и контекста, речевой ситуации, где актуализируются ментальные структуры наивысшей степени абстракции. Учеными предполагается, что слова, как «опорные единицы», обладают способностью проектировать в сознании человека концептуальную модель ситуации или вызывать ее. Соответственно, каждая такая опорная лексема обладает соответствующими характеристиками в пределах определенного контекста, способствующими осуществлению назначенной цели. В результате ряда экспериментов, психолингвисты приходят к выводу о том, что «вариативность понимания как результат действия инвариантных тенденций в развитии проекции текста определяется активацией разных подструктур (или подсистем) ассоциативной структуры слова, выступившей в качестве опорного элемента при понимании текста» [4]. Заявленные подсистемы служат проекцией данного слова в «индивидуальном сознании» (термин Э.Е. Каминской [3]). Они имеют сетевую организацию и в совокупности представляют собой один из более обобщенных уровней формирования проекции дискурса. Однако, такой уровень не эквивалентен проекции самого дискурса, поскольку последний находится в сознании говорящего и отождествляется с замыслом и разверткой замысла. Иными словами, содержательная сторона семантики опорных единиц трактуется исключительно при учете его концептуального характера и субъективной вариативности. Такой подход однозначно приводит к формулировке гипотезы механизма формирования проекции текста посредством положений концепции коннекционистских сетей, представлений о структуре категории, концептов и концептуальных полей как «гибких фреймов признаков» [4]. Отмеченная теория коннекционистских сетей [6] также стремится выявить особенности ментальной репрезентации, базируясь на положении о динамическом характере сетевой организации в целом и ее составляющих, правилах и способах их организации и функционирования, и выдвигает при этом гипотезы о потенциальной корреляции схем-концептов, схем-признаков, признаков концептов и их преобразований. Таким образом, получается, что «на основе одной и той же психологической структуры слова могут складываться разные активные динамические системы,

которые в конкретных проекциях выступают в качестве опорного элемента понимания, усиливая вариативный характер понимания текста. Эти динамические системы могут быть названы проекциями данного слова в индивидуальном сознании» [4: 62]. Однако при этом нельзя забывать тот факт, что динамическая система семантики слова позволяет ему не существовать в форме зафиксированных в словаре концептов, за исключением, вероятно, некоторой ядерной части этой семантической структуры. И окказиональное употребление слова в нетипичном для себя значении и контексте является как раз яркой иллюстрацией заявленного положения. Но, несмотря на подобные казусы, происходящие в коммуникации, индивидуальные различия коммуникантов функциональная полноценность структуры значения обеспечивается посредством соответствующих подсистем, которыми являются ментальные структуры, соответствующие фреймам, которые, в свою очередь, организуются в системы. Означенные концептуальные модели позволяют закономерно увязывать «программы преобразования» значения с «ассоциативным значением» в пределах определенного контекста. Иными словами, «каждая подсистема значений имеет своеобразные «маршруты» перекодирования, имеющие различные «скорости» и «пути» прохождения сигнала от поверхностного к глубинному уровню, где стирается грань между значением слова и его контекстом. Соответственно, ассоциативная структура значения слова может рассматриваться как срез различных каналов доступа к знаниям, находящимся на различных глубинных уровнях как своеобразный набор установок, реализующихся в тексте» [4: 64-65]. Таким образом, как подчеркивают когнитивисты и психолингвисты, осуществляется функционирование и организация ментального лексикона. По этому поводу А.А. Залевская делает интересное замечание о том, что этот самый ментальный лексикон или в ее терминологии «информационный тезаурус» выступает как одна из «составляющих многогранной системы переработки информации об окружающем мире» [2: 9], подчеркивая тем самым и динамический характер лексикона и его функциональную направленность на обеспечение адекватного понимания коммуникантами друг друга в процессе речетворчества.

Однако, несмотря на разнообразие подходов к проблеме ментальной репрезентации с последующей проекцией дискурса особую актуальность приобретает нерешенная по сегодняшний день проблема, каким образом «единица языка» превращается в «смысловую единицу», в связи с чем на лингвистический Олимп выходит смысловая компонента, а не система лингвистических значений, как это было ранее. И следуя общей тенденции обращения к понятию деятельности или процессуальности при попытке описать характер формирования значения, Т.А. ван Дейк доказательно иллюстрирует роль социального в языковом, чем способствует расширению рамок исследования языка. В своих трудах лингвист отмечает, что понимание текста включает осознание ситуации, отражающей сам текст. Во главу угла в таком случае ставится так называемая модель ситуации, определяющая истинность и когерентность текста в глобальном смысле. При этом ван Дейк специфицирует термин «дискурс», под которым подразумевает сложный

коммуникативный феномен, включающий не только текст, но и сведения об окружающей действительности, цели, установки коммуникантов и т.д. [5].

Кроме того, в контексте исследования механизма формирования значения, а точнее смысла, с точки зрения процессуального подхода к языку нельзя не упомянуть понятие прагматического контекста Т.А. ван Дейка [1]. По мнению ученого, понятие «прагматический контекст» выражает высшую степень абстракции различных физико-биологических и прочих ситуаций, на том основании, что основная масса характеристик любой ситуации не пригодна для идентификации иллокутивной силы высказывания [1: 19]. По мнению ван Дейка, правильному пониманию ситуации (значения, референции, прагматические цели, интенции и т.д.) могут способствовать верно акцентируемые ее специфические особенности. В таком случае особую роль играют не только соответствующие схемы и концепты, но и стратегии, алгоритмы, которые способствуют быстрому поиску и переработке необходимой информации, иными словами, обеспечивают высвечивание релевантных элементов относительно интенций говорящего [1: 20].

По убеждению Т.А. ван Дейка, коммуниканты всегда нацелены на предвосхищение последующего речевого акта, то есть ожидание такового. При этом полное осознание характера коммуникативного акта происходит впоследствии понимания самого высказывания, а также сопоставления таковой с анализом прагматического контекста. Для обозначения данного обстоятельства ученый предлагает термин «прагматическое предусловие», который существует параллельно понятию «пресуппозиция» [1: 21]. Ситуация прагматического понимания в теории ван Дейка включает активацию специфического типа ситуации, фрейма контекста, соответствующую настоящему моменту, свойствам, отношениям между социальными позициями, функциями, участниками, которые заполняют «вакантные места», а также правилами, законами, нормами, регламентирующими действия людей [1: 24].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно определить еще несколько концептуальных установок. Принципиальным положением выступает постулат о приоритете передачи не значения, а смысла посредством употребления той или иной лексической единицы в условиях речевой коммуникации. Интерпретация и смысла и значения лексемы возможна благодаря активации определенной ментальной структуры, которая отвечает за ассоциативные связи лексем в ментальном лексиконе и динамична в отношении актуализации в дискурсе с точки зрения возможных вариантов ее вербализации. Еще одним немаловажным положением является наличие опорных или ключевых лексем, способных вызывать в сознании говорящего и слушающего ментальные структуры идентичного порядка. Актуализация ментальных структур возможна в дискурсе при учете семантического потенциала их вербализаторов, а также внешних факторов, сопряженных с дискурсивной единицей. Соответственно, в данном случае мы вслед за Т.А. ван Дейком говорим об активации актуальной ментальной модели в дискурсе. Последний обеспечивает жизненность ментальных моделей, обеспечивая им полноценное развертывание.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что процессуальная теория, постулирующая заявленные выше положения,

позволяет приблизиться к пониманию проблемы смысла лексического значения, его передачи в определенном контексте. Это, в свою очередь, открывает обширные горизонты для последующих лингвистических изысканий, в том числе и в области поиска ответа на вопрос о соотношении языка и мышления.

Литература

1. Дейк, Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов [Текст] / Т. А. ван Дейк // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В.В. Петрова. – Москва, 1989. – С. 12-40.
2. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека [Текст]: психолингв. исслед. / А. А. Залевская. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1990. – 204 с.
3. Каминская, Э.Е. Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова: на материале пер. поэтич. текста [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Э. Е. Каминская. – Тверь, 1996. – 229 с.
4. Рафикова, Н.В. Психологическая структура значения слова как набор фиксированных установок [Текст] / Н. В. Рафикова // Психолингвистические исследования слова и текста : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; отв. ред. А. А. Залевская. – Тверь, 1997. – С. 54-65.
5. Dijk, T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse [Text] / T. A. van Dijk. – The Hague [u.a.]: Mouton, 1981. – 331 p.
6. Eckardt, B. von. What is cognitive science? [Text] / B. von Eckardt. – Cambridge, Mass. [u.a.]: MIT Press, 1993. – 466 p.

С.Б. Кураш, В.Н.Сергей (г. Мозырь, Беларусь)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОГО ЮМОРА И ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Конец XX – начало XXI века – несомненно, особый этап в истории информационно-коммуникационных способностей и возможностей человечества, в частности, этап выхода на доминирующие позиции разнообразных средств и систем электронной коммуникации, в частности, общения посредством Интернет-сервисов, поглощения ею изрядной доли как рабочего, так и свободного времени современного человека, вытеснения (пусть даже и не абсолютное) целого ряда традиционных форм социальной коммуникации, наконец, подмены мира реального миром виртуальным, приводящим к формированию у человека различных форм и признаков киберзависимости. В частности, коммуникационные преимущества сети Интернет заключаются, в таких свойствах, как высокая скорость передачи данных; отсутствие территориальных, государственных границ; мало чем ограниченная свобода слова; доступность размещения информации; анонимность в общении; глобальное географическое проникновение; нарастающие темпы роста аудитории; создание всё новых и новых коммуникационных сервисов и пр.

Современная интернет-коммуникация в её «гуманитарной части» достаточно активно изучается социологами, культурологами, философами, семиологами, психологами, педагогами; стала она и объектом внимания лингвистов, и прежде всего, лексикологов и жанроведов (работающих в русле